

Дворец Юньского царства.

Мужчина сменил привычное, обязывающее к строгости парадное одеяние императора на простую светлую мантию. Его длинные черные волосы, мягкие, словно водопад, были распущены по плечам, а узкие, чуть опущенные глаза скрывали за собой глубокие и смутные мысли. Даже в таком скромном наряде он казался небожителем, сошедшим на землю.

Слушая доклад человека в лазурных одеждах, он невольно улыбнулся, и эта улыбка была до того прекрасна, что захватывало дух.

Если присмотреться к вошедшему, можно было поразиться: это же Мо Цин! Но как? Ведь Мо Цин уехал в Южный город вместе с Хуанфу Цзюнем, а затем отправился по следам русалок — он никак не мог оказаться здесь, во дворце Юньского царства. Тогда кто же это?

— Высший бессмертный, отношения Фэн Цзюня и Бай Цзыцяо... становятся всё крепче, — произнес он, бросив осторожный взгляд на Юнь Су.

Юнь Су поджал губы и с легкой досадой покачал головой:

— Вот как? Что ж, значит, охранять его — уже достаточно.

— Высший бессмертный, разве вы не ненавидите Бай Цзыцяо?

— С чего бы?

— Вы ведь даже пошли на то, чтобы разрушить собственное бессмертное ядро, лишь бы прожить с Фэн Цзюнем целую жизнь, но теперь вас опередил Бай Цзыцяо. Неужели вы не должны его ненавидеть?

Юнь Су лишь кротко улыбнулся в ответ:

— Мо Цин, ты не знаешь любви, поэтому и не можешь понять этого чувства. Любить человека — это не значит обладать им. Достаточно просто смотреть на него, и если он обретет счастье, ты тоже будешь счастлив.

Мо Цин смотрел на Юнь Су и не знал, что ответить. В его памяти Высший бессмертный всегда был воплощением холодного расчета и логики. И только в отношении Фэн Цзюня — что в небесных чертогах, что сейчас — он оставался для него загадкой.

Заметив замешательство гостя, Юнь Су едва заметно приподнял уголок губ:

— Когда-нибудь ты полюбишь кого-то и всё поймешь.

Мо Цин не нашел, что ответить, лишь спокойно посмотрел на Юнь Су и произнес:

— У меня нет сердца, как же я могу поддаться чувствам?

Юнь Су лишь усмехнулся. В этом мире нет ничего более неподвластного человеку, чем любовь.

— Высший бессмертный, мне пора возвращаться.

Юнь Су кивнул. Проводив взглядом растворяющийся силуэт Мо Цина, он взял кисть и вновь принялся кропотливо выводить на бумаге черты своего возлюбленного.

Мо Цин очнулся от легкого покачивания и, открыв глаза, встретился с парой ярких, сияющих глаз. Юноша был по-прежнему невероятно красив, вот только сегодня у него не было ни лисьих ушей, ни хвоста.

— Протяни руку, я посмотрю, — Мо Цин не удивился, ему даже привычнее было видеть юношу в полностью человеческом облике.

Гун Тяньхэн послушно протянул руку с длинными, изящными пальцами. Мо Цин щелкнул его по лбу:

— Выше, руку целиком.

— Ох, — юноша надул губы.

Его предплечье было чистым, без единого следа ранения. Но стоило Мо Цину строго нахмуриться, как Гун Тяньхэн с виноватым видом развеял морок. На безупречно белой коже проступила глубокая рана, доходившая до самой кости. Хотя она уже не выглядела столь ужасающе, Мо Цин знал: без целебной силы кровавой орхидеи она никогда не затянется.

— В ближайшие дни я поговорю с девятым дядей. Как только найдем русалку, сразу отправимся за кровавым лотосом.

Гун Тяньхэн часто заморгал:

— Хорошо.

Прошлой ночью он объяснился с Инь Ся. Тот признался, что испытывает симпатию к Мо Цину, но, поскольку сам Мо Цин пока не проявлял никаких ответных чувств, Гун Тяньхэн решил ограничиться лишь словесными угрозами.

— Слушай, брат... Что ты думаешь об Инь Ся?

Мо Цин удивился такому внезапному вопросу, но, поразмыслив, ответил:

— Вроде неплох. Боевые искусства у него достойные, да и человек он хороший.

Гун Тяньхэн не сдержал смешка. Похоже, у Инь Ся нет ни единого шанса — Мо Цин оказался совершенно непробиваемым! Враждебность, которую он питал к Инь Ся, внезапно сменилась жалостью.

Хуанфу Цзюнь проснулся уже давно, но, глядя на безмятежно спящего человека в своих объятиях, боялся пошевелиться, чтобы не разбудить его. Лишь когда Бай Цзыцяо сам открыл глаза и растерянно заморгал, Хуанфу Цзюнь оделся и вышел из кареты.

— Гун Тяньхэн, веди.

Гун Тяньхэн кивнул. Запах стал совсем слабым — видимо, их преследователи двигались без остановок, день и ночь. Принюхавшись к остаткам аромата в воздухе, он указал направление:

— На север.

Хуанфу Цзюнь кивнул и вернулся в карету. Инь Ся взялся за вожжи, и они двинулись в путь.

Бай Цзыцяо прижался к Хуанфу Цзюню, не желая вставать. Внезапно внизу живота кольнуло.

— Живот болит...

Услышав это, Хуанфу Цзюнь тут же скомандовал:

— Инь Ся, стой!

Он поспешно попросил Мо Цина осмотреть Бай Цзыцяо. Мо Цин, видя их состояние, сразу догадался, что происходило прошлой ночью. Хуанфу Цзюню пришлось выслушать немало гневных слов, но сейчас он был слишком обеспокоен здоровьем любимого, чтобы спорить, лишь виновато оправдываясь под изысканной бранью Мо Цина.

Мо Цин посмотрел на него ледяным взглядом и отрезал:

— Если ты не начнешь себя контролировать, я сам помогу Цзыцяо тебя оскопить!

Хуанфу Цзюнь сглотнул и отступил на шаг:

— Больше не повторится.

Мо Цин не стал развивать тему. Состояние Бай Цзыцяо было странным: внутри него словно что-то изменилось, и Мо Цин не мог понять, что именно говорит ему пульс. Видя тревогу Хуанфу Цзюня, он сосредоточил духовную энергию, чтобы проследить за движением ци в теле Бай Цзыцяо.

Внутренние органы были в полном порядке, но в глубине живота он обнаружил сгусток невероятно чистой духовной энергии, свернувшийся в плотный шарик.

Вернувшись в свое тело, Мо Цин посмотрел на них со сложным выражением лица. Эта энергия была не просто сгустком силы — в ней чувствовалось зарождение новой жизни.

— Если я не ошибаюсь, девятый дядя... у тебя будет наследник.

Хуанфу Цзюнь, обычно отличавшийся проницательностью, на мгновение замер, ошарашенный:

— Мо Цин, что ты сказал?

Мо Цин повторил, выбрав другие слова:

— Я сказал, что Бай Цзыцяо в положении.

Хуанфу Цзюнь распахнул свои прекрасные персиковые глаза, и в их золотистых глубинах вспыхнула небывалая радость. Он крепко обнял Бай Цзыцяо:

— У нас будет ребенок!

Бай Цзыцяо тоже улыбнулся, хотя лицо его оставалось бледным:

— Мо Цин... но ведь я мужчина!

Мо Цин поджал губы:

— Да, я сам не понимаю, как это возможно, но... Бай Цзыцяо, ты действительно ждешь ребенка.

В глазах Бай Цзыцяо промелькнуло сомнение. Он никогда не слышал, чтобы мужчины могли рожать, к тому же... как это вообще произойдет?

— Неужели...

Пока Бай Цзыцяо терзался раздумьями, Хуанфу Цзюнь был на седьмом небе от счастья. Мо Цин понял, что здесь он лишний, и вернулся в свою карету.

— Я посплю, — бросил он Гун Тяньхэну и закрыл глаза. Через мгновение его дыхание стало ровным.

На самом деле спать он не собирался. Как только представилась возможность, его дух покинул тело и устремился ко дворцу Юньского царства.

Юнь Су только что закончил утреннюю аудиенцию и почувствовал приближение Мо Цина.

— Что случилось? Почему такая спешка? — он еще не сменил императорское облачение, и сейчас от него исходило едва уловимое, властное давление правителя.

— Высший бессмертный, есть вещь, которую я не могу понять, — Мо Цин знал характер Юнь Су, поэтому не стал ходить вокруг да около. — Бай Цзыцяо, похоже, ждет ребенка от Фэн Цзюня. Но как мужчина может забеременеть?

Юнь Су поджал губы. В тот миг, когда он услышал эту новость, в его глазах промелькнула тень разочарования. Но стоило ему представить, как обрадуется Фэн Цзюнь, узнав об этом, он невольно улыбнулся.

<http://bllate.org/book/21730/2245843>